
ВОСТОЧНАЯ РЕФОРМАЦИЯ. ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ АСПЕКТ

А. Н. Батурин

В планетарном диалоге сегодня слово за Востоком. Что он может предложить миру кроме традиционного консерватизма и удачных имитаций, какого рода глобальные инновации с его стороны могли бы вывести мировое хозяйство на простор сбалансированного, эффективного и справедливого развития? В статье предложен вариант ответа на этот вопрос на основе представления о двойственной природе целостных систем, о неизбежной их поляризации, о природе власти, о ее месте и роли в структуре хозяйства, о механизмах сопряжения денежных и властных институтов, координирующих ресурсные и проблемные аспекты хозяйства. Совместное развертывание денежных и властных институтов во времени может протекать в двух режимах – «западном» и «восточном» – в зависимости от того, какая из сфер исторически доминирует в данной цивилизации.

В работе намечены основные черты цивилизации «восточного» («циклонного», «женского») типа. Обсуждается также проблема формирования цивилизационного субъекта данного типа («восточного протестанта»). Наше время определяется как начало эпохи Восточной реформации.

Ключевые слова: *Восток, реформация, хозяйство, глобальный, периферия, система, история, биполярность, протестантизм, эволюция, цивилизация.*

Сотни лет мы шли навстречу вьюгам
С юга вдаль на северо-восток.

М. Волошин

1. О двойственности глобальных систем

С распадом социалистического блока *биполярная модель* глобальной экономики, казалось бы, безвозвратно утратила почву под ногами. Вслед за ней на наших глазах естественным образом теряет позиции и однополярная модель. Теперь принято говорить о *многополярности* мирового устройства. В этой модели все полюса имеют одинаковую природу – это капиталистические мироэкономики с центрально-периферийной структурой, которые оспаривают друг у друга сферы влияния.

При всей ее кажущейся очевидности эта модель представляется нам несовершенной. По сути, это все тот же вариант однополярного мира, только с ограничением на мощность одной мироэкономики – ее просто не хватает, чтобы структурировать «под себя» всю глобальную экономику, поэтому приходится «делиться». Эта модель нарушает фундаментальный принцип построения целостных замкнутых систем – *принцип двойственности*, согласно которому такие системы (био-

сфера, атмосфера, глобальная экономика и т. п.)¹ обязаны содержать *двойственно-сопряженные структуры*, подобные циклонам и антициклонам в атмосфере.

Рассмотрим эту аналогию подробнее. Пусть в атмосфере где-нибудь над пустынями Мексики развился мощный антициклон – зона повышенного давления, из которого масса перегретого воздуха фонтаном, закрученным по часовой стрелке, выбрасывается в верхние слои атмосферы. Восходящие потоки попутно разгоняют облака, сгоняя их к периферии, расширяя тем самым зону солнечного прогрева в центре. Возникшая структура набирает, таким образом, мощность, захватывает новые пространства, втягивает в свою орбиту пограничные менее мощные вихри. Образуется типичная центрально-периферийная структура: в центре – нагрев и восходящие потоки, на периферии – нисходящие потоки, которые затем понизу засасываются в центр, нагреваются и снова выбрасываются вверх.

Как далеко может простираться экспансия такой однополярной структуры?

Развиваясь в неограниченном пространстве, эта экспансия в принципе могла бы быть безграничной, хотя и в этом случае имела бы спазматический характер и сопровождалась бы хаосом на периферии. Дело в том, что центр и периферия всегда отрицают друг друга: центр сбрасывает на периферию все, что мешает ему сосредоточенно и эффективно выполнять главную функцию. В данном случае периферия антициклона оказывается в сложном положении: с одной стороны, она есть часть антициклона и в этом качестве настроена функционировать как фонтан, поднимать воздух вверх. Но, с другой стороны, сверху на периферию наваливаются продукты жизнедеятельности центра, массы воздуха, заброшенные туда «центральной фонтаном», и поэтому периферийным «фонтанчикам» приходится, давясь, пропускать через себя эти массы вниз, то есть действовать как сток.

Эта коллизия разрешается тем, что рядом с антициклоном образуется двойственно-сопряженная структура. Попросту говоря, все облака рано или поздно оказываются сконцентрированными в восточном полушарии, там развивается интенсивное охлаждение, идут дожди и неизбежно формируется столь же мощная, интегрированная и структурированная, столь же глобальная *воронка-циклон*, – сама экспансия антициклона создает для этого все необходимые и достаточные условия.

Если антициклон и циклон работают автономно, не в паре, то их поведение нестабильно, динамика спазматическая, периферия неустойчива и низкопроизводительна – это либо «фонтан», который вынуждают играть роль «воронки», либо «воронка», которую вынуждают «фонтанировать» (рис. 1).

---

¹ С точки зрения топологической теории систем целостность – это всегда многомерная *сфера* (см.: Попков, Baturin 2008).

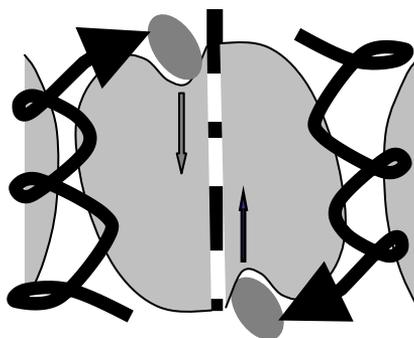

Рис. 1. Модель «Антициклон – циклон»

Но все меняется, когда эти две структуры работают в паре, как *сопряженные структуры*. Возникает глобальная циркуляция воздуха, в которой каждая полу-сфера вдохновенно и безраздельно выполняет свою, «присущую» ей партию. При этом периферией антициклона становится циклон, а периферией циклона – антициклон. Циклон выступает в роли внешней среды для антициклона и наоборот, а вместе они заполняют собой замкнутую сферу.

Так образуется пара двойственно-сопряженных структур, которые вместе составляют сбалансированную биполярную систему. Заметим, кстати, что циклоны и антициклоны вполне равнозначны: формирование этой пары с равным успехом могло бы идти и в обратном порядке – сначала циклон, потом антициклон.

На самом деле, если шагнуть чуть дальше, окажется, что дело обстоит еще интереснее: общение в рамках такого рода пар носит еще более интимный характер – характер отношения *мужского и женского* начал. Дело в том, что это не просто *сопряженные*, это *двойственно-сопряженные* структуры. А двойственными по определению являются *потоки и потенциалы (напряжения)*². В двойственно-сопряженной паре один партнер непременно выступает в «мужской» роли, то есть максимизирует внешнюю деятельность, поток, а противоположная, «женская», половина акцентируется на потенциалах, напряжениях, эмоциях, оценках, ценах, потребностях. Таким образом, взаимодействие антициклона и циклона выражается уже не просто в сопряжении восходящих и нисходящих потоков – у каждого из них свой уникальный *характер*, своя «сексуальная ориентация». А вместе они составляют глубоко интегрированное целое, «брачный союз», источник новой жизни.

Одно время биполярная модель мирового хозяйства (МКС – МСС) могла бы быть вполне рабочей. Мировая социалистическая система претендовала на роль структуры, альтернативной Западу, но полноценным, долгоиграющим глобальным «циклоном» она так и не стала. Можно спорить, были ли у Валлерстайна достаточные основания поместить МСС в «полупериферию» капиталистической мировой экономики, но на деле в конечном счете все так и произошло – Восточный блок

² Любой *процесс* (река, электрический ток, предприятие) выступает одновременно в этих двух ипостасях: с одной стороны, это направленный *поток* чего-то материального (масс, товаров), с другой стороны, он есть реализация неких *потенциалов*, например перепада высот для горной реки, разности потенциалов на концах проводника, перепада входных и выходных цен для предприятия.

распался на «субвихри» неопределенной природы и оказался встроенным в западную мироэкономику в качестве просто периферии.

Это эпохальное событие поспешили определить как «конец истории», однако монополярная модель просуществовала недолго, глобальный кризис не заставил себя ждать. И вновь воспрянули духом сторонники биполярной картины мира, снова замаячил призрак «восточного» полюса, возродилась надежда на воссоздание биполярной модели на новой, «постиндустриальной», основе (Рязанов 2001). Однако, наученные горьким опытом, большинство исследователей пока не спешат разделить эти надежды прежде всего потому, что по большому счету до сих пор остается неясной собственная природа «восточного» типа хозяйства³.

Чтобы не оставаться на зыбкой почве предположений и догадок, попробуем, по возможности, прояснить эту загадочную природу и на этой основе в общих чертах смоделировать механизм движения мирового хозяйства.

2. Краткий экскурс в теорию хозяйства

В теории хозяйства до сих пор господствует представление о *товарном* рынке как о единственно нормальной, «рациональной» основе хозяйства. Обмен товарами, казалось бы, исчерпывает отношения между субъектами хозяйственной деятельности, все остальное – институты, регуляторы, политика и т. п. – важная, но не более чем «надстройка», призванная лишь скорректировать отдельные несовершенства этого рынка. В самом деле, товар, вещь естественным образом подытоживает производственный процесс, всю предшествующую цепочку затрат, и если товар находит покупателя, носителя потребности, готового оплатить эти затраты (обменять на другой товар или деньги), то все компоненты *равновесия* налицо: спрос – предложение, функция полезности – функция затрат, и говорить вроде бы больше не о чем.

Однако, если приглядеться, у любой хозяйственной деятельности *не один результат, а два*: она производит не только вещь, товар, но и еще кое-что, весьма существенное, хотя и трудноуловимое. Что это за таинственный результат?

Вот лесоруб рубит дерево, а оно не падает, – скажем, топор тупой. Поскольку деятельность не механическая и у нее есть *мотив*, то она не остановится как вкопанная, как только попадет в неблагоприятные обстоятельства, – попытки сдвинуть с места *забуксовавшую деятельность* будут продолжаться. Лесоруб будет рубить из последних сил, а дерево будет стоять. *Попытка деятельности, которая не приводит к желаемому результату*, есть то, что называется *проблемой* (потребностью, нуждой и т. п.). Это не сама живая деятельность, а именно *попытка*, схема, форма деятельности, отделившаяся от предмета и поневоле ставшая для человека объектом *напряженного* внимания⁴.

³ Возможна ли экономика, ориентированная на проблемы, а не на товары, на потенциалы, а не на потоки? Возможна ли экономика «циклонного», «женского» типа? По многим признакам, формирование такой альтернативной мироэкономики уже идет полным ходом. Речь, во-первых, о Китае. Специалисты дружно отмечают именно «женский» тип китайской цивилизации. Принцип «soft power», «мягкая сила всегда побеждает силу твердую», и ему подобные лежат в основе не только традиционной культуры и идеологии, но и пронизывают политику, экономику, вплоть до уровня производственно-трудовых приемов. Может быть, и Россия того же рода, только в «северном» варианте.

⁴ Так, потребность в пище (голод) – это не просто пустой желудок, это *попытка* пищеварения, когда

Итак, проблема – вот второй результат хозяйственной деятельности, двойственно-сопряженный с предметным результатом, вещью, товаром. Таким образом, хозяйственная деятельность не только преобразует одни предметы в другие (это всем известно), *но также преобразует одни проблемы в другие*, а именно: проблемы моего заказчика преобразуются в мои собственные проблемы (проблемы в строительстве, «забуксовавшем» без строительного леса, преобразуются в проблему лесоруба, «забуксовавшего» без настроенного инструмента), которые я в свою очередь могу разместить в качестве заказа.

Теперь взаимодействие субъектов хозяйства может разворачиваться в двух встречных режимах: 1) продукт – деятельность – продукт; 2) проблема – деятельность – проблема (рис. 2).

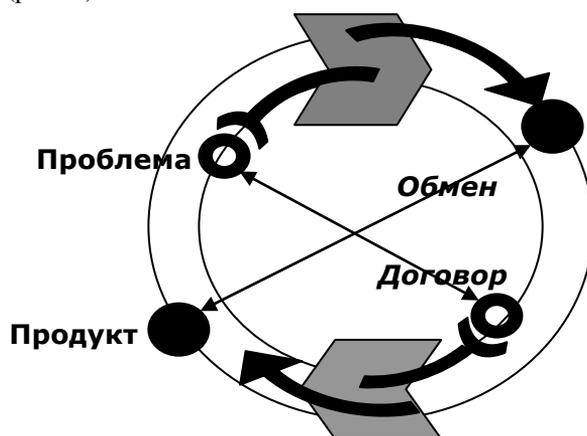

Рис. 2. Два режима взаимодействия субъектов хозяйства

В первом режиме хозяйственные отношения акцентируются на предметном результате, товаре. Здесь хозяйственная деятельность – это прежде всего производство товаров, а основная транзакция – обмен товаров. При этом проблема (потребность) выступает *лишь моментом* в преобразовании одного товара в другой. Рациональный покупатель (хозяин, собственник), приобретая товар, имеет в виду употребить этот товар с прибылью в производстве других товаров, получить добавленную стоимость (домашние хозяйства здесь не исключение), то есть расширить свой доступ к миру товаров⁵. В конечном счете единственная его потребность – потребность избежать разорения.

желудок пуст. Человек способен отделить от себя, увидеть со стороны, сделать своим предметом не только вещи, но и формы собственной деятельности, – на эту способность как на главное отличие человека от животного указывал еще Гегель: «...сама форма деятельности человека превращается для человека в особый предмет, в предмет особой деятельности» (цит. по: Ильенков 1984: 181). По Гегелю, оперирование с формами деятельности является прототипом и реальным содержанием мышления и вообще сферы идеального. Можно еще заметить, что именно формы деятельности, а отнюдь не предметы первыми попали в поле осознанного внимания человека. Глаголы, а не существительные первыми появились в языке. Сначала «копать, скрести, сверлить», и только потом постепенно выяснялось, что из себя представляют «копалка, скребок, сверло» (см.: Попков, Батурич 2006).

⁵ Макс Вебер говорит о капитализме как об исторической победе «целерационального» действия над традиционным, «ценностно-рациональным». Если принять его теорию социального действия, основанную на разделении «средств» и «целей» (а мы предпочли бы говорить о ресурсах и проблемах), то на стадии капитализма главной **целью** экономического действия становится расширение доступа к ресурсному потен-

Итак, подразумеваемая экономической теорией *аксиома равноправия товара и потребности, предложения и спроса не выполняется в условиях товарного производства*. Асимметричность спроса и предложения, дискриминация проблемного аспекта получает вполне зримое выражение хотя бы в виде агрессивной рекламы как одной из форм насилия над покупателем. Вообще замечено, что развитое товарное (капиталистическое) хозяйство – это всегда рынок продавца, а не покупателя⁶.

Теперь о втором, «проблемно-ориентированном», режиме координации хозяйственных процессов. Здесь, наоборот, продукт, вещь выступают лишь промежуточным моментом в координации двух проблем, двух схем деятельности⁷. Деятельность при этом выступает не как преобразование одних предметов в другие, а как преобразование одного заказа в другой. И разворачивается она в форме представления *услуги*, а не производства товара.

Понятие «услуга» здесь берется в своем крайнем варианте – как деятельность, ориентированная исключительно на потребность, на решение проблемы заказчика. В таком варианте услуги нет ни тени предметного аспекта: каким именно предметным способом будет решена проблема, заказчика, вообще говоря, не волнует. Автовладелец, становясь абонентом гарантийного сервиса, знает только одно – ездит его машина или нет, а какие узлы заменяются и во что это обходится сервисной структуре, его не касается. А если и сам автосервис в свою очередь является абонентом некоей сервисно-страховой инфраструктуры, то и его не будет волновать товарный (затратный, стоимостный) аспект его деятельности. Всех их будет волновать что-то другое.

В таком хозяйстве, акцентированном на проблемном аспекте, базовой транзакцией становится «обмен проблемами» – *договор*⁸, – опять же в некотором крайнем смысле этого понятия. Это не юридический документ – это хозяйственная транзакция. Близкие примеры: обмен страховками, обмен абонентами на обслуживании. Такая цепочка или сеть договоров, по сути, формирует спрос как таковой⁹, а *замкнутая* цепочка договоров наполняет спрос собственной платежной силой.

Платежную силу, циркулирующую в договорном процессе, можно было бы выразить в деньгах, но, строго говоря, она имеет неденежную природу. Здесь функционирует хозяйственная *власть* – «обобщенное право мобилизации чужих

циала общества, то есть опять к «средствам». Капитализм – это победа «средство-рационального» действия.

⁶ Таким образом, любезные сердцу авторов «экономикс» «функции полезности» и «функции затрат» в реальности выступают в абсолютно разных весовых категориях. Игнорирование этого фундаментального перекоса классическими теориями социального выбора и экономического равновесия превратило их (в значительной мере) в пустое математическое упражнение – к такому выводу приходят в последнее время ведущие специалисты в этой области (см.: Полтерович 1997).

⁷ «Все, что имеет прочную форму, как, например, продукт и т. д., выступает в этом движении лишь как момент, как мимолетный момент» (Маркс 1969: 222).

⁸ Имеет место терминологическая трудность. Большинство терминов уже использованы для обозначения явлений в хозяйствах «антициклонного» типа – все они оказались сдвинуты от проблемного полюса к товарному. У нас понятия «услуга» и «договор» радикально разведены с понятиями «товар» и «обмен». Между тем экономисты, на словах признавая важность услуг в современном хозяйстве, по сути, не отличают их от товаров (в двухтомнике Р. Макконнелла и Л. Брю услугам посвящены... два абзаца), в лучшем случае говорят о товар-услуге, которая отличается от просто товара «интерактивным характером взаимодействия поставщика и потребителя» (Сафина 1999: 16). То же относится к понятию «договор». Это не контракт, который в современной институциональной теории выступает как развитая форма обмена.

⁹ Сантехник, взявший на обслуживание дом, предъявляет гораздо более основательный спрос на сантехнику, нежели жильцы.

обязательств» (Т. Парсонс)¹⁰. Хозяйственная власть (в отличие от политической) так же, как и капитал, может облекаться в денежную форму, поэтому велик соблазн смешивать их (что часто и делается), но, строго говоря, это разные «деньги». Конвертирование капитала во власть и обратно происходит постоянно, но это не безобидный момент (в случае политической власти такая конвертация называется взяткой). Поэтому есть смысл четко различать, скажем, фьючерсный контракт (отложенную покупку товара) и приобретение абонемента на обслуживание¹¹.

Были ли реализованы эти два типа хозяйства где-либо в чистом виде? Этот вопрос не совсем правомерен, поскольку в любом обществе обязательно наличествует и проблемная, и ресурсная (товарная) сферы. Тут все дело в относительном статусе этих сфер и в характере их взаимодействия. Но, предвосхищая дальнейшее изложение, можно указать на классический пример товарного хозяйства – это, конечно, Запад в эпоху индустриализма. А что касается проблемно-ориентированного хозяйства, то полноценная его реализация, видимо, еще впереди, поскольку такая экономика предполагает постиндустриальную техническую базу, которая сегодня только складывается. Но некий индустриальный прототип такого хозяйства, по-видимому, был реализован в СССР (проблемно-ориентированная деятельность – это, по сути, выполнение заказа, что и есть *планомерность* в широком смысле).

На этом завершим краткий экскурс в теорию, оставив за скобками такие важные оппозиции, как право и мораль, собственность и долг, стоимость и ценность и др. (подробнее см.: Попков, Батурич 2006), и перейдем к обсуждению механизма эволюции мирового хозяйства и того, какое место в нем занимает Восточный блок.

3. Две сферы хозяйства

Можно констатировать, что фундаментальную структуру любого общества составляют две равномошные взаимодействующие сферы: проблемная и ресурсная.

Первая сфера организует движение **потребностей (проблем, нужд, чаяний, ожиданий и пр.)**. Можно обсуждать устройство основного механизма, действующего в этой сфере, но уже ясно, что институты этой сферы так или иначе ориентируют каждого относительно своих и чужих проблем, организуют и регламентиру-

---

¹⁰ Парсонсу принадлежит идея о том, что власть играет в политической сфере роль, аналогичную той, которую выполняют деньги в сфере экономической (см.: Парсонс 1997). Для современной теоретической социологии власть являет собой пример «символически генерализованного средства коммуникации», ее институты развертываются аналогично деньгам в экономике, истине – в науке (см.: Луман 2001). Было предложение измерять объем власти экономическим *ущербом*, который властвующий способен нанести партнеру в случае его «оппортунистического поведения» в процессе выполнения контракта (Holm 1969: 269–288), то есть, собственно, ограничить ему доступ к ресурсам. В этом смысле власть может выражаться в деньгах. Но и наоборот, платежная сила денег соотносится, как известно, не только с ресурсным эквивалентом, но и с «полезностью», с объемом проблем (потребностей), которые можно решить (удовлетворить) посредством этих денег. Деньги и власть, таким образом, представляют собой типичную двойственно-сопряженную пару.

¹¹ К чему ведет неразборчивая и неограниченная эмиссия денег неясной природы, мы имеем возможность наблюдать воочию. Только часть эмитированных в мире денег имеет хотя бы самое отдаленное отношение к товарной массе, гораздо больше их оказалось выпущено под неясные обязательства, не подкрепленные адекватными институтами. Такой навес «нетоварных» денег всегда будет грозить опрокидыванием, глобальным оползнем, пока под этим навесом не выстроится соответствующая база нетоварных (контрактных, договорных) отношений и институтов (Попков, Батурич 2006).

ют его доступ к общественно значимым проблемам (к «социальному заказу»), то есть организуют доступ к **мотивационному потенциалу** общества. Эти институты обеспечивают трансляцию внешних, «сырых» проблем внутрь общества, их движение и трансформацию в нем: обмен проблемами («договор»), их усвоение, концентрацию, формирование программ и проектов и в целом – расширенное воспроизводство мотивационного потенциала общества.

Вторая сфера, **ресурсная**, – сфера движения ресурсов (вещей, товаров, продуктов, возможностей, средств, знаний, ноу-хау и пр.) посредством известных механизмов обмена. Институты этой сферы организуют и регламентируют доступ индивидов к общезначимым ресурсам, организуют переработку исходных, «сырых» ресурсов в концентрированные продукты, их движение в обществе и в целом расширенное воспроизводство **ресурсного потенциала** («богатства») общества.

Несущей, «базисной», структурой общества может служить каждая из этих сфер. Вопрос доминирования какой-либо из них – это вопрос о типе общественного строя, он исключительно важен, но наличие и сбалансированное развитие обеих сфер есть неперемное условие для любого нормального хозяйства. Всякая жизнеспособная экономика обязательно содержит в дееспособном состоянии обе названные сферы.

Подчеркнем (во избежание разночтений), что мотивационную сферу мы здесь рассматриваем как частнохозяйственный, то есть рыночный, а не институциональный феномен. Политическая сфера тоже имеет дело с проблемным полем общества, политику иногда определяют как «рынок программ» (Й. Шумпетер), но политика в западном смысле, институты парламентской демократии имеют надстроечный характер, играют вспомогательную, компенсаторную роль по отношению к хозяйству. Хозяйственные же процессы на проблемном поле, как мы видели и увидим еще, идут гораздо шире: они включают отношения заказа-подряда, договора, услуг в широком смысле, власти как капитала.

Частнохозяйственное движение проблем, передача их «из рук в руки» – это не плод умозрительного теоретизирования. Когда заказчик говорит своему подрядчику: «Это уже не моя проблема, а твоя», – он как раз указывает на факт такой передачи. Проблемная сфера представляет собой, попросту говоря, множество взаимодействующих сервисов, обменивающихся друг с другом абонеменами, – так возникает сервисная инфраструктура хозяйства, способная эффективно перерабатывать и решать проблемы хозяйствующих субъектов.

Именно в таком качестве проблемная сфера может претендовать на базисную роль, а не только на роль «надстройки», какой обычно довольствуется политическая сфера.

4. Механизм эволюции хозяйства

В свете представлений о двухсферной структуре хозяйства по-новому предстает и механизм его эволюции. На смену марксовой линейной формационной схеме, в основе которой лежит процесс становления товарно-капиталистических институтов и их последующего упразднения¹², идет представление о параллель-

---

¹² Марксова формационная схема сегодня снова живет и побеждает. И «западники», и «альтернативщики» согласны, что коммунизм приходит на смену капитализму, как тот в свое время сменил феодализм. Только «западники» считают, что Запад на этом пути уже совершил финальный скачок в «царство свободы», в «постэкономическую» формацию, указывая на «экспансию сферы, предоставляющей индивидуализи-

ном и сопряженном развертывании мотивационной и ресурсной сфер внутри цивилизаций.

Жизненный цикл каждой цивилизации начинается с состояния, в котором проблемно-мотивационные реальности напрямую связаны с ресурсными: жрецам, функционирующим в мотивационной сфере, приходится использовать свое имя, моральный авторитет в деле распределения ресурсов «под плановые задания». Они тем самым превращаются в начальников, «отцов родных», являющих собой олицетворенное противоречие – «жрец-хозяин», населяют собой систему столь же противоречивых органов управления. С одной стороны, они являются участниками целеполагания, формирования социального заказа и проводниками соответствующих целевых установок; с другой стороны, они должны обеспечить эти заказы ресурсами и не допустить частный, теневой оборот последних.

При таком общественном устройстве господствующие ценности и «генерализующие» их символы власти становятся паролем, открывающим ворота общественных складов, то есть собственно деньгами. А пароль, открывающий ворота складов, – именно поэтому! – становится символом власти. Монополия на целеполагание и монополия на ресурсы, таким образом, обуславливают друг друга (рис. 3а).

рованные услуги и информацию», где «развитие личности становится главной целью человека» и т. д. (Иноземцев 2000). Марксисты возражают: развитие сферы услуг и производства знаний в условиях капитализма – никакой не скачок в «креатосферу», а лишь его имитация, это, наоборот, фактор загнивания «корпоративного капитализма» и глобализации его противоречий (Бузгалин 2001). С этим диагнозом можно было бы согласиться, но... как-то уж больно безысходно. Получается, что капитализм снова «лег у истории на пути» и его снова «не объехать, не обойти», а скачок России в «креатосферу» стал еще более проблематичным, тем более что марксисты отвергают «формационный плюрализм», а это значит, что обходных путей у истории нет.

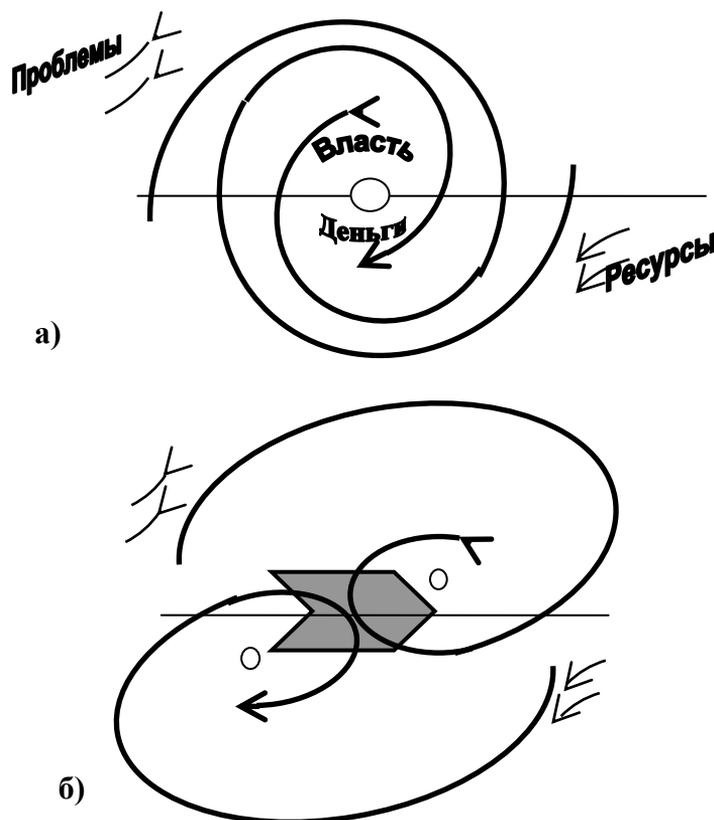

Рис. 3. Проблемная и ресурсная сферы в а) традиционном и б) современном обществе

Это стадия авторитаризма, в социологии ей соответствует известный феномен «власть-собственность» (Васильев 1983: 40), с этого начинается жизненный путь цивилизации. И в дальнейшем не раз на протяжении этого пути под давлением угрожающих обстоятельств цивилизация вновь восстанавливает авторитарное устройство, активизируя характерные для него **мобилизационные** механизмы, то есть механизмы неэквивалентного (прямого) вмешательства в распределение ресурсов с позиций целеполагания, или в процессы целеполагания с позиций ресурсных ограничений (основания и тип мобилизации зависят от типа цивилизации, они будут рассмотрены ниже).

Это исходное неустойчивое состояние – оно неизбежно разлагается, подтачиваемое с двух сторон: во-первых, неудержимо разрастающимся теневым оборотом ресурсов, который разворачивает собственные, внутренне присущие ему частные формы, все более активно оспаривает у начальства его монополию на ресурсы, постепенно образуя в обществе особую сферу – меновое хозяйство, которое все более втягивает в себя ресурсный поток; с другой стороны, в мотивационной сфере идут аналогичные процессы демобилизации («либерализации»). Вожди, осво-

божающиеся от ресурсно-распределительной функции, теряют монопольно-командные позиции, становятся политиками, сосредоточиваются на своей собственной целеориентирующей роли, втягиваются в конкуренцию проектов и программ, и лишь победившие в этой конкуренции проекты, то есть те, в которых удалось сконцентрировать действительно существенные потребности электората, оказываются способными оттянуть на себя необходимые ресурсы. Таков, в принципе, нормальный режим доступа к ресурсам в зрелом обществе (рис. 3б).

* * *

Однако становление и развитие реальных систем не знает золотой середины, а также одновременного параллельного развития своих полярных сущностей. Это развитие идет попеременно, как говорят математики, «методом ортогональных направлений»: когда одна сфера развивает экспансию, другая тормозит и страхует.

Картина усложняется еще и тем, что разложение исходного протосоциального авторитарного образования идет одновременно с поиском и формированием институциональной структуры каждой из сфер в обстановке напряженной борьбы шаманов и вождей, жрецов и ключников за лидерство в обществе. В этой борьбе на самых ранних этапах истории под действием множества факторов и закладывается тип данной конкретной цивилизации, ее интегральная ориентация.

5. Западный тип движения в истории

Если в целом следовать общепринятым историческим представлениям – а надо иметь в виду, что эти представления складывались в поле западноцентрической концепции и отражали самосознание цивилизации западного типа, – то основным этапам истории можно дать следующую интерпретацию.

Содержанием *первого этапа* – **традиционализма** – является разложение исходного протосоциального образования с выделением и институционализацией прежде всего меновой сферы. При этом традиционная идеология (религия) и освящаемая ею политическая структура остаются в консервирующей, сдерживающей позиции по отношению к этому процессу. На ранних этапах незрелое еще меновое хозяйство, принимая рано или поздно на себя ресурсы общества, то и дело «идет вразнос». Все цивилизации в эту эпоху, если их традиционная культура была не в силах в той или иной форме удержать контроль над условиями найма рабочей силы, заканчивали свой жизненный путь тем, что в обществе разворачивалась жесточайшая эксплуатация, возникали огромные состояния, с одной стороны, и обнищание масс – с другой. Это сопровождалось полной деградацией мотивационной сферы, и результат – крах цивилизации. В обстановке бедствий в среде пролетариата возникала новая этическая система или вновь получала поддержку старая и начиналась новая цивилизационная попытка. Такова схема цивилизационного цикла по А. Дж. Тойнби.

С каждой цивилизационной попыткой шло накопление элементов и возможностей менового механизма, который теперь готов принять на себя регулирование всего ресурсного хозяйства общества, включая рабочее время производителя. В техническом отношении эта стадия не случайно совпала с промышленной революцией и индустриализацией хозяйства, что резко усилило мобильность ресурс-

ного потенциала общества и облегчило всеобщую экспансию меновых отношений, которая завершилась появлением на рынке товара «рабочая сила». Вместо формулы $T - D - T$ утверждается формула $D - \text{Товар Рабочая сила} - D'$, формула движения капитала. Так стартовала *вторая фаза* западной истории – **капитализм**.

Проблемная (политическая) сфера в этой фазе впервые получает возможность (пока только возможность) освобождения от несвойственных ей функций и полного разворота ее целеориентирующих потенциалов. Ее роль и мощь (а соответственно и налоговая база) в условиях капитализма вырастает на проблемном поле вместе с пролетарскими выступлениями, профсоюзным движением и пр. При этом политическая сфера остается вполне мобилизованной, силовой, надстроечной структурой над товарно-капиталистическим рынком. И лишь позже, когда рынок стал активно насыщаться *сервисными* компонентами, у проблемной сферы впервые появилась собственная рыночная основа. Проблемы стали перетекать и канализоваться в неполитических, частно-договорных структурах. На этой основе была более или менее успешно решена проблема спроса, рынок продавца сменился рынком потребителя. На этой же основе идет глубокая реформа всей политической сферы.

Так западная история перешла в *третью фазу* – эпоху нового возвышения проблемной-политической сферы, ее относительно свободной институционализации при полном развитии сферы меновой. Можно вслед за Марксом назвать ее **эпохой гуманизма**, или постиндустриализмом (Д. Белл), или постлиберализмом (И. Валлерстайн), постэкономической формацией (В. Иноземцев)¹³, или как-то еще. Важно, что это материально и мотивационно зрелое общество западного типа.

Сегодня Запад переживает стадию позднего капитализма и входит в третью фазу. Важно заметить, что если на первой фазе, на фазе разложения традиционного устройства, тормозную функцию выполняла политическая сфера, а ресурсная развивала экспансию, то теперь, на стадии гуманизации, роль тормоза перешла к предельно развитым институтам собственности, которые, отстаивая свою базис-

---

¹³ Приверженцы постиндустриализма говорят об «экономике знаний», о том, что «творческие возможности личности, ее способности к генерированию нового знания и информации становятся главным ресурсом...», что на смену *homo oeconomicus* идет *homo creator*, одержимый «каждой самореализацией и личностного роста», и т. д. и т. п. Ключевое слово – «творчество». Говорят о появлении особого класса «неисчерпаемых ресурсов», которые допускают неограниченное тиражирование и многократное использование, на которые не распространяется атрибут «редкости» и по отношению к которым поэтому теряют смысл все основные характеристики «экономической» формации – стоимость, собственность и пр. Постиндустриалисты относят к таким «ресурсам» информацию, знания. Их оппоненты в ответ напоминают о вполне успешной борьбе Microsoft за свою интеллектуальную собственность и предпочитают говорить в этом смысле о «культурных ценностях» – именно такие «ресурсы», по их мнению, создает *homo creator*, населяющий постэкономическое общество, в общении с себе подобными: «...культурные ценности... это такой пирог, который становится тем больше, чем шире круг едоков и чем активнее они его поедают (так Чайковский, “съем” творение Пушкина, создает свою оперу, и “пирог” искусства становится богаче)» (Бузгалин 2004). Экономическая теория институтов подсказывает нам, о каких «неисчерпаемых ресурсах» и о каком именно «творчестве» на самом деле идет здесь речь, – речь идет об *институтах*, институциональном творчестве, институциональном предпринимательстве. «Институт – это совокупность созданных людьми формальных или неформальных правил, выступающих в виде ограничения для экономических агентов, а также соответствующих механизмов контроля за их соблюдением и защиты» (Шаститко 1997: 9). Создание успешного института приводит к вполне осязаемому эффекту: он расширяет границы рынка, число его добровольных активных участников, объем рыночных транзакций (обменов или договоров). Под это определение подпадает и создание игорного заведения, и выработка идеологии, и написание «Евгения Онегина». Создатель института кровно заинтересован в расширении круга «потребителей», и в этом смысле институт – действительно «общественное благо». Именно производство институтов становится содержанием «третьей волны» истории, «посткапиталистической», «постэкономической» формации.

ную роль в этом обществе, противостоят «лавине коммунизма» (А. Зиновьев) – стихийно возникающих общественных объединений и программ, идеологических союзов и пр. И нужно признать, что сдерживать эту «лавину» в целом удастся, и тем самым удастся сохранить «западный» тип движения в истории даже на «постэкономической» стадии. А вместе с этим – и весь букет противоречий и ограничений западного пути (Бузгалин 2001).

6. Восточный тип движения в истории

Что касается проблемно-фокусированных цивилизаций восточного типа, то перед ними экономическая теория в большом долгу. Исследования М. Вебера по хозяйственной этике нельзя назвать в этом смысле исчерпывающими, в них еще нет четкого понимания специфики мотивационной сферы, ее фундаментальной хозяйственной роли, поэтому и произошла ее редукция к проблеме бюрократии и подтверждение вывода о всеобщей неизбежности западного пути.

С заявленных выше позиций мы можем теперь обсуждать и альтернативный тип движения в истории. Идеальная реконструкция этого типа движения должна быть основана на признании *базисной* роли мотивационной сферы, сферы движения потребностей, нужд, целей, их соизмерения, сферы обращения проблем и власти. Сформулируем некоторые утверждения о характере этого движения и его этапах (рис. 3 а, б).

Первый этап – традиционализм, заключающийся, как и в западной модели, в разложении исходного протосоциального образования с выделением основных сфер. Но в отличие от западной модели здесь развивает экспансию, институализируется именно мотивационная сфера, тогда как традиционные имущественные отношения и обеспечивающие их силовые структуры играют сдерживающую роль по отношению к этой экспансии, – иначе духовные вожди и искатели правды, баяны и краснобаи разорили бы общину.

Сдерживающая, страховочная, тормозная роль имущественного уклада на этом переходе подтверждается хотя бы тем, что этот уклад развивается сравнительно медленно, нехотя расставаясь с традиционными регламентами, элементами общности имущества и общинного произвола в распределении ресурсов.

А мотивационная сфера, напротив, рвется из узды, взрывает достигнутые формы, одержима максимальными задачами (хилиазм), с трудом терпит вмешательства земной власти (анархизм), взыскует Града Небесного (Раскол) и в то же время активно претендует на базисную, приоритетную, организующую роль в жизни общества. В своей экспансии она идет вширь, осваивая сопредельные культуры, и вглубь, расшатывая традиционные устои. Всегда готова сомневаться в собственной правоте, не подвержена формализму вообще, ищет абсолютных и всеобщих средств выражения.

А в ответ на ее чрезмерную экспансию периодически активизируются мобилизационные механизмы защиты ресурсной сферы: государство идет по пятам, закрепляет достигнутые рубежи экспансии, «сажает на землю», «законвывает в бетон» не выработавшую пока внутри себя всеобщих форм организации и потому опасную стихию. А новые хозяева тем временем пускают в ресурсный оборот новые приобретения.

И, наконец, эта стихия, исчерпав в великих произведениях литературы духовные ресурсы языка, в поле первоклассной культуры вздымает немислимую для

индустриальных обществ идеократическую плановую организацию хозяйства, отрицающую собственность как принцип, и, как бы вновь пережив миг своего творения и заново пройдя все круги авторитаризма, предельной ресурсной и мотивационной мобилизации, начинает приходить в себя, присматривая органичные формы, в которых разрешатся великие ее напряжения...

Возвращаясь к жанру холодного идеально-типического построения, мы спрашиваем: может ли *этот* тип исторического движения, этот тип разложения традиционного общественного устройства *разрешиться капитализмом*? Даже если властная элита предпочтет конвертировать власть в деньги, а деньги превращать в капитал, согласится ли население включиться в качестве такого товара, как рабочая сила, в расширенное воспроизводство этого капитала, а потому и в свое собственное расширенное воспроизводство¹⁴?

На этот вопрос способна ответить только практика (и, кажется, она на него уже отвечает). Но если придерживаться предлагаемой здесь теоретической схемы, то этот тип исторического движения может разрешиться форсированной и полномасштабной экспансией проблемной сферы в качестве базисной. Это означает не только радикальное расширение рынка услуг, но и освоение альтернативной формулы предпринимательства, где рабочее время будет заполняться не трудом, а *служением*, а главной целью деловой жизни (бизнеса) станет расширение доступа к значимым проблемам общества, к значимому социальному заказу.

Ресурсная сфера на этой фазе может быть организована более или менее авторитарно, хотя при этом предполагается как можно более быстрый запуск механизмов частнохозяйственного доступа к ресурсам, но лишь в той мере, в какой отношения собственности не будут подавлять мотивационную сферу, которая должна оставаться базисной.

По существу, это постиндустриальный вариант планового хозяйства, или **рыночный коммунизм**, или **сервисная экономика**, или **политическая цивилизация** (по Валлерстайну)¹⁵. Это и есть вторая стадия исторического движения восточного типа.

Дальнейшее движение по этому пути состоит в сдерживании «лавины капитализма», в удержании базисной роли мотивационных институтов и постепенном вхождении в стадию **гуманизма**, в состояние мотивационной и ресурсной зрелости цивилизации.

* * *

---

¹⁴ «Западники» и марксисты предлагают России на выбор – «хрен» или «редьку». Первые говорят о безальтернативности модернизации по западному образцу, но затем убедительно показывают, что для России это дело вполне безнадежное (Иноземцев 2008: 145–165). Марксисты говорят о тупиках постиндустриального капитализма с его «экономикой услуг» и делают ставку на самоорганизацию угнетенных масс в мировом масштабе.

¹⁵ Не было бы ошибкой обозначить эту стадию как коммунизм, если бы удалось очистить этот мощный бренд, с одной стороны, от государственно-мобилизационной скорлупы и, с другой стороны, от социалистического вегетарианства позднесоветского образца («общество ням-ням», по выражению Сергея Кургина). Предлагаемый тип хозяйства не имеет никакого отношения к распределительному социализму, и вегетарианства в нем не больше, чем в капитализме в его классической фазе. Во всяком случае, удерживать такой «коммунизм» в рамках ресурсных ограничений будет не легче, чем было удерживать капитализм в рамках социально-политической корректности.

Однако вернемся к характеристике состояния, в котором мы предположительно находимся (или, по крайней мере, находились в начале 90-х гг.), а именно – к рубежу между фазами традиционализма и рыночного коммунизма. Этот переходный процесс можно обозначить как Восточная реформация¹⁶.

7. Проблемы Восточной реформации

Восточная реформация охватывает обе сферы хозяйства. Что касается ресурсной сферы, то есть вопросов собственности и т. п., то здесь уместно вспомнить об участии мотивационной сферы на стадии капитализма. В знаменитой работе «Протестантская этика и дух капитализма» М. Вебер впервые обратил внимание историков хозяйства на момент замещения мобилизационных форм духовности протестантизмом. Это было начало капитуляции всего традиционного общественного устройства, открывающее путь к окончательному утверждению товарного рынка в качестве единственного организатора хозяйства.

Нельзя сказать, чтобы проблемная (политическая) сфера с этого момента пребывала в полном упадке, напротив, освобождение ее от ресурсно-распределительной функции формально открывало перед ней новые перспективы свободного развития, но ее новая уничижительная роль «надстройки» имела четко очерченные рамки. Ее стихия: проблемы, страдания, нужды, стремления и намерения – теряла собственный голос и могла заявлять о себе только в качестве платежеспособного спроса или демократического волеизъявления.

Впрочем, страны Запада всегда благоразумно сопротивлялись вырождению хозяйственного пространства и вошли в XX в. без заметной культурной деградации и пролетарских революций. И сегодня представляют собой сбалансированные двусферные хозяйства с более или менее заметным доминированием меновой сферы.

Кстати, даже эта, лишь относительная, слабость моральной и вообще культурной мотивации уже давно осознается как серьезный трудноустраняемый дефект, подрывающий позиции Запада перед лицом вызова с Востока, и не только со стороны Китая, но и со стороны традиционных союзников – Японии, Южной Кореи и других стран, в которых процесс рыночной модернизации не привел в целом к радикальной смене строя, не привел, в частности, и к утрате традиционного контроля над условиями найма рабочей силы.

Чрезвычайно важно особо подчеркнуть ключевую проблему Реформации любого из двух типов – это проблема соотношения темпов и очередности протекания реформ в ресурсной и мотивационной сферах. **Формула динамического баланса такова: реформирование базисной сферы, демобилизация, освобождение, развертывание ее горизонтальных структур должно идти опережающими темпами по сравнению с реформированием противоположной сферы, продолжающей выполнять притормаживающую функцию.** Поддержание такого баланса может обеспечить органический поступательный ход процесса и предотвратить бедствия, подобные тем, которые сопровождали Буржуазную реформацию, когда этот

¹⁶ См.: Батурич 1993. Исчерпывающий политико-культурный анализ феномена «Русской реформации» содержится в научном наследии В. Д. Жукоцкого (1954–2006) (см., например: Жукоцкий 2004; 2006). В данной работе реформация трактуется как относительно быстрый и даже лавинообразный процесс окончательного разложения авторитарного общественного устройства, который захватывает обе сферы и завершается полной эмансипацией и всеобщей экспансией *базисной* сферы. Так, Буржуазная реформация, начатая религиозной реформой Лютера, завершилась утверждением капитализма в Европе.

баланс был нарушен в Германии, в которой стартовала Европейская реформация и которая тогда лидировала в Европе: там форсированная религиозная либерализация намного опередила развертывание базисных рыночных структур. Это обусловило спазматический характер процесса, вызвало затяжные религиозные войны, хозяйственные опустошения и в результате – восстановление и даже усиление феодальной раздробленности, исключающей дальнейшие рыночные реформы. Инициатор и лидер Реформации оказался отброшенным в положение аутсайдера и неудачника. Эхо этой неудачи отозвалось в конце концов гитлеризмом.

К сожалению, приходится констатировать, что на первом этапе российских реформ был воспроизведен аналогичный порочный характер динамики: сделан упор на опережающем и даже исключительном развертывании институтов собственности, которые всегда в России играли подсобную, тормозящую роль, а традиционно базисная для нее мотивационная сфера остается в полном небрежении и более того – подавляется¹⁷. А это значит, что Россия рискует втянуться в затяжной, бессмысленный, изнурительный дележ и передел собственности, территорий, ресурсов с последующим новым собиранием земель и спазмами авторитаризма; а окончательное разрешение процесса Реформации отодвинется на неопределенное время и, вероятно, состоится не у нас.

8. «Северо-Восток» – вакансия для России

В заключение несколько соображений относительно **субъекта** Восточной реформации.

Западная культура, как утверждает М. Вебер, сумела войти в свой решающий виток, виток буржуазной рационализации, только приняв горькое лекарство протестантизма. Протестантская установка пополнила западный спектр стереотипов поведения, заявив в нем крайнюю, «северную», позицию в противоположность католическому Югу.

Юг вообще тяготеет к целостности, социализму, в нем жив дух священной империи, братские чувства, детская беспечность, надежда на жизнь вечную (если умеренно грешить). Здесь люди живут в семье при живом отце и не рвутся во взрослую жизнь.

Протестантская же установка – это установка на индивидуализм, трезвый рационализм, пессимизм в отношении перспектив спасения. Протестант вышел из отчего дома и зарекся туда возвращаться. Главная его доблесть – стоическая способность жить в богооставленном мире среди чужих людей, жить, сообразуясь с законами этого мира, и действовать в нем максимально эффективно. Не лениться, не зарывать свой талант, не промотать собственность. Не дать себя увлечь иррациональными мотивами сострадания, филантропии и т. п., ибо никакой твари, в том числе и мне самому, не дано иметь благих целей, которым можно было бы сочувствовать. Человек никому ничего не должен, и себе тоже.

---

¹⁷ Российские реформаторы сразу взяли курс не только на рыночную либерализацию, но и на «демонтаж культурного ядра России и смену типа цивилизации» – именно так тогда, в начале 90-х гг., вполне официально формулировали свои задачи идеологи российских реформ (см. программную статью: Ракитов 1992). И это было не просто их желание, они действительно упорно и изобретательно трудились над этим ядром – в ход шли и фальсификация социокультурных кодов, и массивный сброс в смысловые горизонты экскрементов чужих культур.

Такова абстрактная позиция идеального собственника, таков персонифицированный капитал. Что же им движет, где он черпает жизненные силы? Ведь в этом мире нет ничего, ради чего стоило бы жить. Азарт игры? Золотая лихорадка? Д – Д? Нет, протестант персонифицирует не торгово-спекулятивный, не ростовщический, а производственный капитал. Он действует, он непосредственно участвует в преобразовании мира.

Действует протестант «средство-рационально». Средства не должны лежать без дела, и если я могу их рентабельно употребить, то и должен это сделать. Короче, **«могу – следовательно, должен»** – такова формула активности протестанта.

Стоическое упорствование западного человека в отстаивании именно этой парадоксальной позиции и сотворило западную цивилизацию, обеспечило культурному ядру цивилизационно-игровое расширение, обустроило это ядро биржами, банками, страховыми учреждениями, открыв его тем самым для эволюции. Однако Юг при этом отнюдь не перестал существовать. Он хранит, репродуцирует культурное ядро, транслирует в пространство цивилизации его традиционные ценности и коды. И мечтает вновь в один прекрасный день слиться в единстве возрожденной священной империи.

Но западный человек научился ценить в себе северные черты. Парадоксальная формула «могу – следовательно, должен» продолжает действовать.

«А что же такое Восток?» – спрашиваем мы снова. Да это просто Юг, уверяют нас западники, причем такой крайний Юг, что дальше некуда. И если он еще имеет смешную претензию когда-нибудь стать Севером, то должен принять прививку против детских соблазнов, пройти инициацию протестантизмом. А если его организм «не принимает» это горькое зелье, то и пусть остается Югом.

В самом деле, положение незавидное. От Юго-Востока до Северо-Запада путь неблизкий. Но... ведь в природе кроме Северо-Запада существует еще и Северо-Восток, который к нам гораздо ближе. А что, если кроме заклинания собственника «могу – следовательно, должен» существует еще какая-то, более «удобоваримая» формула инициации, более родная и понятная? Например, «должен – следовательно, могу». И уж не эта ли самая формула ворожила в русской, и особенно в советской, истории (см.: Жукоцкий 2006)?

Правда, процедура инициации прошла у нас не до конца, она была свернута отеческим обещанием, что нынешнее поколение советских людей получит бесплатные пирожные. А протестантизм вообще не выносит отеческой опеки, братских объятий, неэквивалентной иррациональности отношений. (Формула «Я отвечаю за все» – очень двусмысленная формула. Ее может, вздохнув, произнести большой начальник. Но в ней может звучать и такой мотив: «Любую проблему я готов принять в зону своей ответственности и решать ее как свою, лишь бы она была значимой».)

«Должен – следовательно, могу» – принцип новой деловой элиты, которая могла бы вывести сервисную экономику в режим, называющийся на языке синергетики «режимом с обострением». Эта такая генерация «восточных протестантов», которые смогут существовать и хорошо себя чувствовать в безвоздушной среде формально-рациональных проблемно-властных отношений, в среде обязательств, долга и рационального («рентабельного») воспроизводства, обращения и накопления власти.

* * *

По общим оценкам, финансовая цивилизация готова завершить свою славную историю. Ее основные институты развернуты, потенциал экспансии исчерпан, глобальная нестабильность нарастает. Идет лихорадочный поиск формулы ее долговременной консервации.

Леворадикальная оппозиция ищет ответ глобальному капитализму (Валлерстайн 2003) и видит в обозримом будущем лишь два конкурирующих «северных» ядра – США и Европу, укомплектованных соответственно Китаем и Россией в качестве «полупериферии», и расширяющуюся пропасть между ними и глубоко периферийным Югом.

Более умеренная социалистическая оппозиция берет на вооружение концепцию «устойчивого развития» (Международная конференция в Рио-де-Жанейро, 1992 г.), которая призвана внести элементы торможения в катастрофическую динамику мировой финансовой цивилизации и адресована в первую очередь развивающимся странам, составляющим периферию этой цивилизации. Укомплектованное такой консервативной, «устойчивой» периферией ядро финансовой цивилизации, согласно расчетам, получит необходимый запас устойчивости для длительного существования, а то и для нового витка либерализации и выхода на новый уровень развития.

Но остается открытым вопрос: что же дальше? Глобальная стабилизация путем торможения и замораживания мирового развития? Или...

...Или нужно признать, что денежно-правовая рационализация общественной жизни, лежащая в основе западной траектории развития, имеет альтернативу. И более того, только реализовав эту альтернативу и став биполярной, мировая система обретет, наконец, долгосрочную перспективу стабильного развития. (Так, атмосферная система, в которой развился мощный фонтан-антициклон, чтобы обрести стабильность, должна породить равномогущий сток-циклон, и наоборот.)

Не вещи, а проблемы, не товары, а услуги, не собственность, а долг, не обмен, а договор, не права, а обязанности – вот что лежит в основе «постфинансовой» (Тоффлер), «политической» (Валлерстайн) цивилизации. Ее базисная структура программно-целевая. Советское плановое хозяйство было своего рода коконом, в котором зрело ядро этой цивилизации. Сегодня мы наблюдаем запуск процесса Восточной реформации.

Протестантизм дал Западу формулу инициации его ядра: «Могу – следовательно, должен», которая породила мощь современной цивилизации, но и поставила ее на край пропасти. Формула Восточной реформации: «Должен – следовательно, могу» – формула XXI в.

Кому по нутру будет чаша сия?

Литература

Батури́н, А. Н. 1993. Коммунистическая Реформация. *Россия-XXI* 3. (Baturin, A. N. 1993. Communist Reformation. *Russia-21* 3).

Бузгалин, А. В. (Buzgalin, A. V.)

2001. Социально-экономические противоречия генезиса постиндустриального общества и их теоретическая рефлексия. *Философия хозяйства. Альманах МГУ им. Ломоносова* 3. М. (2001. Social and economic contradictions of the post-industrial society

genesis and their theoretical reflection. Philosophy of economy. Almanac of Lomonosov Moscow State University 3. Moscow).

2004. Частная собственность устарела. *Отечественные записки* 6: 36–43. (2004. Private property is out of date. *Domestic Notes* 6: 36–43).

Валлерстайн, И. 2003. *После либерализма* / пер. с англ. М. Гурвица и др.; под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. М.: Едиториал УРСС. М. (Wallerstein, I. 2003. *After liberalism* / transl. from English by M. Gurvits, et al.; ed. by B. Yu. Kagarlitsky. Moscow: Editorial URSS).

Васильев, Л. С. 1983. *Проблема генезиса китайского государства*. М.: Наука. (Vasilyev, L. S. 1983. *The problem of the genesis of the Chinese state*. Moscow: Nauka).

Жукоцкий, В. Д. (Zhukotsky, V. D.)

2004. Русская реформация XX века: логика исторической трансформации атеистического протестантизма большевиков. *Общественные науки и современность* 3: 89–102. (2004. Russian reformation of the 20th century: logic of historical transformation of atheistic Protestantism of Bolsheviks. *Social Sciences and the Present* 3: 89–102).

2006. Лютер и Ленин: две культурологические модели реформации. *Общественные науки и современность* 1: 69–82. (2006. Luther and Lenin: two culturological models of reformation. *Social Sciences and the Present* 1: 69–82).

Ильенков, Э. В. 1984. *Диалектическая логика: Очерки истории и теории*. М.: Политиздат. (Ilyenkov, E. V. 1984. *Dialectical logic: Essays of history and theory*. Moscow: Politizdat).

Иноземцев, В. Л. (Inozemtsev, V. L.)

2000. *Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы*. М.: Логос. (2000. *Modern post-industrial society: nature, contradictions, prospects*. Moscow: Logos).

2008. О невозможности модернизации России. В: Паин, Э. А., Волкогонова, О. Д. (ред.), *Российская модернизация: размышляя о самобытности: сб. трудов Института Кеннана*, с. 145–165. М.: Три квадрата. (2008. About impossibility of modernization of Russia. In Pain, E. A., Volkogonova, O. D. (eds.), *Russian modernization: reflecting on originality: collected works of the Kennan Institute*, pp. 145–165. Moscow: Three squares).

Луман, Н. 2001. *Власть* (серия «Образ общества») / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис. (Luhmann, N. 2001. *Power* (Series 'Image of society') / transl. from German by A. Yu. Antonovsky. Moscow: Praxis).

Маркс, К. 1969. Экономические рукописи 1857–1861 гг. В: Маркс, К., Энгельс, Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 46. Ч. 2. М.: Политиздат. (Marx, K. 1969. *Economic manuscripts of 1857–1861*. In Marx, K., Engels, F., *Collected works*. 2nd ed. Vol. 46. Part 2. Moscow: Politizdat).

Парсонс, Т. 1997. *Система современных обществ*. М.: Аспект-Пресс. (Parsons, T. 1997. *The system of modern societies*. Moscow: Aspect-Press).

Полтерович, В. М. 1997. *Кризис экономической теории*: доклад на научном семинаре Отделения экономики и ЦЭМИ РАН «Неизвестная экономика». М. (Polterovich, V. M. 1997. *Economic theory crisis: Report at the Scientific Seminar of the Sector of Economics and the Central Economic-Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences 'The unknown economics'*. Moscow).

Попков, В. В., Батурич, А. Н. 2006. Опыт различения двойственных начал в теории хозяйства. *Журнал экономической теории* 4: 52–76. (Popkov, V. V., Baturin, A. N. 2006. Experience of distinction of the dual basics in the theory of economy. *Journal of Economic theory* 4: 52–76).

Ракитов, А. И. 1992. Цивилизация, культура, технология и рынок. *Вопросы философии* 5: 3–16. (Rakitov, A. I. 1992. Civilization, culture, technology and market. *Philosophical Questions* 5: 3–16).

Рязанов, В. Т. 2001. Постиндустриальная трансформация, ее социально-экономические модели и судьба экономики России в XXI веке. *Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. Ломоносова* 2: 44–72. (Ryazanov, V. T. 2001. Post-industrial transformation, its social and economic models and destiny of the Russian economy in the 21st century. *Philosophy of economy. Almanac of the Center of Social Sciences and the Department of Economics of Lomonosov Moscow State University* 2: 44–72).

Сафина, Т. И. 1999. *Рынок услуг: Методологические основы формирования и функционирования*: дис. ... д-ра экон. наук. СПб. (Safina, T. I. 1999. *Market of services: Methodological bases of formation and functioning*: Dissertation... PhD in Economics. Saint Petersburg).

Шаститко, А. Е. 1997. *Экономическая теория институтов*. М.: ТЕИС. (Shastitko, A. E. 1997. *Economic theory of institutes*. Moscow: TEIS).

Holm, K. 1969. Zum Begriff der Macht. *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie* 21: 269–288.

Рорков, В., Батурин, А. 2008. Philosophic Rethinking of Poincare Topological Complex. *XXII World Congress of Philosophy*. July 30 – August 5. Seoul: Seoul National University.